

ОЛЕГ ТАБАКОВ: *Нов. известия - 2004 - 16-22 июля - с. 18, 19* **«Я краснею, когда просят автограф»**

Михаил Малыхин

Сегодняшнего гостя «Новых Известий» Олега ТАБАКОВА, возглавляющего легендарный Чеховский МХАТ, вряд ли нужно представлять читателям. Самый востребованный актер и режиссер. Человек-эпоха. Как выяснилось, слова «отпуск» для него не существует. Переговоры с московским мэром, консультации с юристами об авторских правах, планирование нового сезона, репетиции и новые спектакли – лишь малая часть тех дел, которыми занят в разгар лета мэтр российского театра и кино. На встречу с «Новыми Известиями» Олег Табаков приехал сразу после очередных съемок на Киностудии имени Горького.

– Картина, в которой вы снимаетесь, называется «Один, без ангелов». Что за роль вы играете? – Примерно год тому назад молодой режиссер Саша Бруньковский делал

для телевидения биографический очерк обо мне. Тогда-то мы с ним познакомились. Работа получилась довольно интересной, поэтому, когда недавно – месяцев пять тому назад

– он позвонил и предложил участвовать в его дебюте в качестве кинорежиссера, я ответил: «Почему бы и нет?». Вот так я оказался в этом кино про мужиков-пенсионеров после 60, выброшенных из жизни, невостребованных сегодняшней действительностью в результате смены социально-экономического уклада страны. Один из них – в прошлом знаменитый футболист, другой – токарь, третий – военный дирижер, полковник. Так сложилось, что они пришли на помощь друг другу, дабы восстановить в человеке главное, чего ему всегда не хватает, – востребованности в жизни.

Окончание на стр. 18–19



АНАТОЛИЙ МОСКОВНИН

«Я КРАСНЕЮ, КОГДА

Окончание. Начало на стр. 1

— Для вас лично проблема занятости наверняка не стоит. Вы сегодня самый востребованный актер театра и кино, к тому же руководите двумя ведущими отечественными театрами...

— Я вам сейчас расскажу такую историю. Кроме моей мамы, у меня была как бы вторая мама — Мария Николаевна — соседка по коммунальной квартире, из города Саратова. После смерти своего мужа — профессора психиатра, стала размышлять, куда бы ей поехать доживать свой век. Она была одна, без детей. У нее, конечно, были родственники в Сталинграде, в Ленинграде. Но она приняла решение: поехала к соседу по коммунальной квартире, которого знала мальчиком, подкармливала во время войны. Здесь она растила Антона — старшего моего сына... Она была верующей, и когда ей показалось, что пора умирать, купила саван, белые тапочки, позвала меня и сказала: «Леля, вот книжка, там лежат деньги, пожалуйста, похорони меня». На что я ответил: «Ну что вы, я обязательно вас похороню, но только мы не будем тратить ваши деньги, а пошлем их вашим родственникам». В это время моя первая жена Людмила Ивановна Крылова родила девочку. Мария Николаевна встала с кровати, перестала умирать и прожила еще восемь с половиной лет, пока не отвела девочку во второй класс. А потом легла и умерла... Вот что я имею в виду под словом «востребованность». Человек вообще живет до тех пор, пока он востребован, а остальное — это уже растительное существование. Востребованность — это то, что позволяло в страшных условиях ленинградской блокады жить и выживать. А вы знаете, что люди мало болели в Великую Отечественную — просто надо было работать, надо было победить фашистов...

— Но сейчас иное время. Вы в зените славы, в следующем году вам исполнится 70 лет, тем не менее вашей энергии и работоспособности может позавидовать любой. Глядя на ваш распорядок дня, месяца, года, хочется спросить: вы когда-нибудь вообще отдыхаете?

— У меня нет потребности отдыхать. Хотя... Когда я играю вечером спектакль, то обязательно до этого сплю час, иногда чуть больше — полтора часа, если спектакль тяжелый. А зачем больше? Чтобы восстановить силы, мне достаточно 5–6 часов сна. Хотя есть действительно тяжелые спектакли, когда нужно много сил — я театру после них в весе граммов 700–800.

— Кстати, о юбилее. Говорят, ваше 70-летие будет отмечаться практически на государственном уровне...

— Этого я не знаю... Я думаю о другом — собираюсь ко дню рождения сыграть семь спектаклей подряд. Три из них будут в «Табакерке», четыре — мхатовские. Или, может быть, наоборот. Еще не решил. Потом собираюсь в свой родной Саратов, там сыграю неделю. Хочу съездить хотя бы на два дня — на два спектакля — в Мордовию, откуда корни прадеда моего, Ивана Ивановича Утина. Вот такая у меня юбилейная программа.

— А как складываются ваши отношения с властями?

— Знаете, нормально. Деловые взаимоотношения у меня с Федеральным агентством по культуре и кинематографии. Его возглавляет Михаил Ефимович Швыдкой, человек, с которым мы, мне кажется, успешно

сотрудничали последние четыре года. Четыре года назад в трудную для этого театра минуту, когда случилось несчастье — умер Олег Николаевич Ефремов, Швыдкой попросил меня подставить плечо...

— Сейчас многое меняется. Пришел новый министр культуры Александр Соколов. Как вы чувствуете, будут ли какие-нибудь перемены в культуре, коснутся ли они театра и лично вас?

— Я вам так скажу: дела в Московском Художественном театре идут нормально. У него есть зритель, есть государственная помощь. Достаточная. Может, не такая, как хотелось бы, но вполне достаточная. У него есть новый репертуар — из старого репертуара осталось семь названий, а к концу года останется, наверное, четыре или пять. Понимаете, есть театры работающие, а есть... ну, я бы так сказал, не очень интенсивно работающие. Например, из 89 театральных премьер позапрошлого сезона (по

этому сезону я еще не знаю статистики) 19 было поставлено двумя нашими театрами, которыми я занимаюсь. В этом году будет меньше, но не на порядок меньше, я думаю, в общей сложности 11 или 12 спектаклей на два театра.

— В России много молодых актеров, режиссеров, драматургов, и все-таки среди них практически нет личностей, сопоставимых с мастерами вашего и более старшего поколений. Ведь раньше в театре были не просто кумиры, а люди родные и близкие каж-

дой советской семье. Почему сейчас нет таких личностей?

— Вы задали вопрос довольно сложный. Ну, во-первых, в очень трудное время мы с вами попали. Сейчас происходит смена поколений. Посмотрите, кто ушел из МХАТа за последние лет шесть. Смоктуновский, Евстигнеев, Борисов, Ефремов. Как говорит Шамраев: «Какие актеры были! Дубы!». Это все диалектика, когда уходят вот эти могучие титаны, то освобождаются их места, и те, кому дан талант от Господа Бога, при наличии работоспособности довольно быстро становятся титанами... Что же до «родных и близких»... Знаете, я вспомнил такую историю: мне было совсем мало лет. Тогда «Современник» только начинал становиться на ноги. Мне было 23–24 года, обо мне писали журналы «Искусство кино», «Театр» — причем очень серьезные люди писали. Я читал и не мог поверить, что это про меня... Я тогда не мог поверить, что спустя много лет меня будут узнавать на улицах. На днях я зашел в ГУТА-банк, чтобы снять деньги и переложить их потом в Сбербанк.



Дмитрий Христов

ПРОСЯТ АВТОГРАФ»

У входа в банк меня остановили, попросили автограф: «Вы великий актер»... Почему я это говорю? Понимаете, ведь надо было пройти эту дистанцию. В этом заслуга самой жизни, театра, где я служил, Олега Николаевича Ефремова, который ставил серьезные задачи. Задачи были не всегда легко достижимы – задачи «на вырост». Ведь очень важно, чтобы актеру все время поднимали потолок. Я вот однажды был в Томске, меня повели в Ботанический сад – фантастический мир, Сибирь... Когда вышел, отойдя на какое-то расстояние, вдруг заметил огромный стилобат стеклянный, и на нем – большой «стакан», а на том стакане еще стакан. Для чего это? Оказывается, там растет пальма, чтобы она росла дальше, пришлось раздвинуть потолок. Так и с людьми, с актерами. Селекцией талантливых актеров заниматься трудно, учить трудно. Знаете, они – что плодовые деревья – плодоносят ведь не каждый год. Это к вашему вопросу: потерпите, все будет. Если останутся хранители тайны и веры, если останутся люди, способные ставить задачи, стимулирующие рост актеров, восстановится театр, восстановится кинематограф.

– Из чего же все-таки складываются личности?

– Думаю, личность складывается из жизни. «Личность или не личность?» – это вопрос, на который можно ответить всерьез где-то по ту сторону Стикса. Понимаете, вот когда тот человек попросил у меня автограф, я покраснел, ну не неловко. Думаю, что в одном, несомненно, я состоялся, у меня трое внуков и у меня есть целый ряд состоятельных, в художественном смысле, учеников. То есть нет, весь я не умру, душа будет жить, и в том, что будут делать Женя Миронов, Миша Хомяков, Андрей Смоляков, Саша Мохов, Дуся Германова, Марина Зудина, Ольга Блок. Она, может, не прямой мой ученик, но очень близкий мне человек. Знаете, если выстроить моих учеников, то будет радость для глаз. А кому какое звание дают? Не вопрос. Я уже в той весовой категории, когда никому не завидую... Хотя, честно говоря, в жизни я завидовал двум категориям людей: которые на скрипке и фортепьяно играют и которые языки иностранные знают.

– Вам ведь наверняка многие завидуют? Вас это тревожит?

– Нет.

– Вообще зависть, это хорошее чувство?

– Отвратительное.

– Ну, оно, может быть, в каком-то смысле стимулирует, дает возможность для роста, саморазвития?

– Это называется по-другому. Применительно к людям моего ремесла это называется честолюбие. Это означает: я узнаю, как это делается! Я сделаю это! Я достигну этого! Я постигну это! Я переделаю себя так, чтобы уметь это!

– То есть хорошей или плохой зависти не бывает?

– Это чуть собачья: белая, не белая... Это мука мученическая для людей. Когда я стал директором театра «Современник», мне было 34 года, это довольно молодой по тем временам возраст, это случилось в 70-м году. И вот тогда я понял, что зависть – тяжелый камень, тяжелое бремя, для людей, я видел, как ею мучаются люди.

– Спасти от нее нельзя?

– Нет. Я говорю об этом не потому, что «я хороший», и не завидую людям, нет. Думаю, что я просто защищен от этого любовью моих бабушек, двух, мамой моей Марьей Андреевной и второй мамой – Марьей Николаевной. Они, кстати, и лежат вместе на кладбище, в Долгопрудном.

– Не могу не спросить сегодня вас о Чеховском юбилее, который грянет – 100 лет со дня смерти. Почему, по-вашему, Чехов до сих пор так популярен и актуален?

– Ну, мы шутим: Пушкин – это наше все. Так вот Чехов – это «все» для интеллигентного человека.

– Почему же именно Чехов?

– Жизнью своей оплатил, серьезностью своих намерений.

– Что вы имеете в виду, говоря «для интеллигентного человека»?

– В Оксфордском толковом словаре есть понятие: интеллигенция, интеллекул, а потом есть подпункт: «русская интеллигенция – это люди, которым не безразлична судьба тех, кому живется хуже».

– В советские времена интеллигенция считалась «прослойкой» между крестьянством и пролетариатом....

– Думаю, что это ложь! Интеллигентность – это состояние души. Это не уровень образования и не сумма научных званий. Когда ты видишь, что людям живется тяжелее, труднее, чем тебе. Кто заставлял Чехова участвовать в холерных кампаниях? Никто! Кто заставлял его выйти из императорской академии, когда туда

не приняли Горького? Вышли Чехов, Толстой, Короленко. Кто заставлял его делать школу в Мелехове? Никто! Это была потребность души.

– По-вашему, именно Чехов был первым интеллигентом?

– Нет. Первым интеллигентом был Пушкин. «Два чувства дивно близки нам, / в них обретает сердце пищу, / любовь к родному пепелищу, / любовь к отеческим гробам. / На этом зиждется от века по воле Бога само-го / самостоянье человека / залог величия его». Это вот программа действий. А по-другому, это Блок писал: «Россия, нищая Россия, / избы бедные твои, / твои мне песни ветровые – / Как слезы первые любви». То же самое. Вот они и есть интеллигенты.

– То есть интеллигентность – это и сострадание?

– Да. Конечно.

– Уайльд говорил, что сострадать, сочувствовать можно не всякому, а лишь прекрасному...

– О нет. Нет, это эстетство. Это ерунда. Совсем молодым снимался в Костромской области у Михаила Абрамовича Швейцера в «Тугом узле» по сценарию Владимира Федоровича Тендрякова, и вот там я впервые полюбил русских старух. За трудность, с которой они жили, они перебарывали жизнь, они шли дальше. Как они носили два ведра на коромысле, как они вещмешки таскали с хлебом, когда возвращались в район, просто какие лица у них. Я часто думаю об этом, о моих долгах перед родителями, и чем больше я живу, тем больше понимаю, как много я им недодал. Папе и маме. И никогда этого уже не восполню, и от этого больно становится, мучительно. Пытаюсь успеть с Антоном встречаться, со старшими. С младшим Павлом, когда прихожу с работы усталый, в шахматы играю. Это все надо делать, никто кроме меня не сделает.

Олег ТАБАКОВ родился 17 августа 1935 в Саратове. Окончил Школу-студию МХАТ (1957). С 1957 – актер и режиссер театра «Современник», с 1983 – МХАТа. С 1986 – ректор Школы-студии МХАТ, профессор (1987), с 1974 – руководитель Театра-студии («Табакерка»). С июня 2000 – художественный руководитель МХАТа им. А. П. Чехова. В кино дебютировал в середине 50-х. С тех пор снялся почти в 100 кинофильмах. Лауреат Государственной премии СССР (1967). Народный артист СССР (1987).



Жену Марину Зудину Олег Табаков считает одной из самых талантливых своих учениц.